

рения» Ивана Рыкова могли находиться в одном сборнике, и, вероятно, особенности публикуемого текста связаны именно с использованием такого оригинала. На его существование указывает упоминание календарно-астрономических текстов, отсутствующих в рукописи, как составных частей единого трактата.

Обращения к кир Иоанну имеются лишь в первой книге Рафлей (составляющей около двух третей текста). Эта книга завершается молитвой и как будто имеет законченный вид. Тем не менее вторая и третья книги скорее всего также имелись в составе рыковских Рафлей. Третья книга содержит руководство для истолкования наиболее сложной разновидности гадания, которая подробно описывается в первой книге. Без такого руководства подобное гадание не могло практиковаться.

Тексты, в которых упоминается Иван Рыков, свидетельствуют о том, что он был связан с кружком псковских книжников, называемых им «нашой братией». Обращение «чада» (рукопись Десницкого, л. 11) показывает, что он возглавлял этот кружок. Рыков пользовался авторитетом и в кругах приближенных царя («российского царства царев книгчий кир Софроний»). Отметим, что лишь рукописи, связанные с Иваном Рыковым, позволили уверенно датировать деятельность Софрония временем Ивана Грозного, а создание адресованного ему текста 1579 г.

Предположительно с Иваном Рыковым можно связать еще один небольшой отрывок медико-астрологического характера (руководство для кровопускания). Он известен по рукописи начала XVIII в., причем помещен в ней перед «Предисловием святцам», адресованным кир Софронию. Этот отрывок также облечен в эпистолярную форму; русское слово «святцы» выступает в нем как эквивалент иноязычного «календарь». Наиболее существенно, что это авторское произведение, причем его составитель назван «многогрешным Иваном». В предисловии к этому тексту говорится: «... тебе же, аввоосвященному кир Алексею, понудившему мя списати сия книги, аз же, многогрешный Иван, не от себя написах книги, ты веси, но от еллинских и латинских доктор, ведущих добре звезднаа течения и лекарския науки, их же аз готова учения обретох, собрав воедино, и вам, исправя, предложих ... календариа написати, сиречь святцы по еллинскому и латинскому обычаю, якоже римстии и еллинстии астролози знаменуют».⁴² И по стилю и по характеру это вступление, как и следующий за ним текст, допускают предположение о том, что они представляют собой еще одно творение псковского книжника Ивана Рыкова.

Интерес к календарно-астрономической тематике и немалый практический опыт в этой области характерен для новгородско-псковского региона с древнейших времен, чему сохранилось немало свидетельств. Не говоря уже о трудах замечательного математика XII в. новгородца Кирика, можно упомянуть чрезвычайно интересный календарь XIV в., насыщенный античными реминисценциями, встречающийся в Кормчих, недавно изданный Я. Н. Шаповым,⁴³ составление Пасхалии в конце XV в. по инициативе новгородского архиепископа Геннадия, продолжение этой работы попом Агафонищем при Макарии. От середины XVI в. сохранился чрезвычайно любопытный памятник псковского происхождения — «Указ книжным часом, во сколько часов обходит солнце над псковскою землею. Списано от сведущих людей».⁴⁴ Не был ли Иван Рыков в числе

⁴² Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси... с. 132.

⁴³ Шапов Я. Н. Календарь в псковских рукописях XV—XVI вв. — ТОДРЛ, Л., 1983, т. 37, с. 157—183.

⁴⁴ ГБЛ, Рязанское собр., ф. 735, № 28. Устав церковный и монастырский. Середина или вторая треть XVI в., мелкий полуустав, 4°, л. 62—62 об. Рукопись написана в Новгородской области или на Севере (в языке наблюдаются постоянные образцы мены ѣ—и). В 1627 г. была вложена в Кедрину пустынь Олонецкого уезда.